

**ВИКТОР
ОСТРОВСКИЙ**

**ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ**

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МОССАДА

**ПРИЗНАНИЕ ИЗРАИЛЬСКОГО
РАЗВЕДЧИКА**

«Другая сторона обмана: изменник-разведчик
раскрывает секретную программу Моссада»

Amazon.com

Искусство разведки

Виктор Островский

**Обратная сторона
Моссада. Признание
израильского разведчика**

«Алисторус»

1994

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

Островский В.

Обратная сторона Моссада. Признание израильского разведчика /
В. Островский — «Алисторус», 1994 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00222-261-2

Продолжение бестселлера № 1 по версии «Нью-Йорк Таймс» — книги «Моссад: путем обмана. Разоблачения израильского разведчика» этого автора. Оставив в результате сомнительной интриги израильскую внешнюю разведку, кадровый разведчик Виктор Островский продолжает выполнять, самые опасные задания. Его новыми тайными руководителями становятся представители прогрессивных кругов Моссад, которые хотят отобрать власть у воинственных «ястребов» на верхушке этой спецслужбы. Чтобы спасти свою жизнь, Островский вступает в игру... Развязывание войны в Ливане в 1982 г Убийства немецкого политика Уве Баршеля, канадского конструктора Джеральда Булла, английского газетного магната Роберта Максвелла. Планы покушения на президента США Джорджа Буша и тайная подоплека путча против Михаила Горбачева. Об этом и многом другом — в книге Виктора Островского «Обратная сторона Моссада. Признание израильского разведчика». С момента публикации прошло 30 лет, но все рассказанное в ней актуально и в наши дни. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00222-261-2

© Островский В., 1994

© Алисторус, 1994

Содержание

Предисловие автора	7
Пролог	8
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Островский Виктор Обратная сторона Моссада

Посвящаю моей жене Белле

VictorOstrovsky
Geheimakte Mossad.

München: Goldmann Verlag, 1994.

© ООО «Родина», 2024
© Островский В., 2024
© Крюков В., пер. с немецкого 2024

Предисловие автора

Я написал эту книгу, чтобы рассказать правду о моей одиссее. Я уверен, что найдутся разные люди, которые куда охотнее видели бы опубликованным их взгляд на описываемые здесь события и сделали бы все для этого. Из-за сложности темы я решил, что книга будет самым подходящим средством для передачи фактов. Я решил также описывать события в более или менее хронологическом порядке.

Хотя правила и не разрешают, чтобы сотрудник спецслужбы делал письменные пометки или вел записи, я делал это для проведения оперативных заданий. Эти пометки стали важным и полезным дополнительным источником для написания этой книги, хотя вовсе и не предназначались для этого. Кроме этих заметок, я опирался при восстановлении описываемых событий прежде всего на свою память. Я очень старался исключить, по возможности, любые неточности. Нужно учесть, что именно моя хорошая память послужила одной из причин принятия меня в ряды Моссад. Я могу со всей уверенностью утверждать, что книга точна до самых мельчайших подробностей. Все имена в книге подлинны, кроме Дины, Рахили, Альберта, Давида, Сары, Рами, Эдварда и Фадлаля – эти последние – псевдонимы. В некоторых случаях, когда речь шла об активных операциях, я называл только имена, чтобы не подвергать опасности этих людей. Кроме того, я позаботился и о том, чтобы Моссад заранее получил копию книги и смог предпринять необходимые мероприятия по обеспечению безопасности. В конце концов, эта книга – не моя личная вендетта.

Большинство описываемых в книге событий было широко описано в печати. В конце книги я поместил неполный список публикаций, которые могли бы облегчить дальнейшие исследования определенных вопросов заинтересовавшимся читателям. Короче, эта книга является документальным сообщением о событиях, которые я пережил.

Я хочу поблагодарить многих моих друзей и бывших коллег за их помощь и поддержку, но природа вещей требует, чтобы их имена, в их собственных интересах, остались неназванными.

Кроме того, я благодарю мои издательства Aventura в Норвегии, Bertelsmann в Германии, M & P в Нидерландах, Standast в Бельгии, Longanesi/Corbaccio в Италии и HarperCollins в англоязычных странах за то, что они доверились мне и поддержали этот мой проект.

Виктор Островский

Пролог

Мои дедушка и бабушка по отцовской линии эмигрировали на рубеже веков из России в Канаду. Вместе с другими эмигрантами они поселились в маленьком городке Уокоу в провинции Саскачеван, где мой дед Аарон Островский занялся процветающей розничной торговлей, которая, однако, совершенно заглохла в годы Великой депрессии. После этого он с семьей переехал в Эдмонтон в провинции Альберта, где присоединился к постоянно увеличивавшейся еврейской общине.

Примерно в это же время из России в Палестину переехала, опасаясь погромов, семья Марголиных: Эсфирь, Хаим и их маленькая дочка Рафа. Они поселились в Иерусалиме и там у них родились еще двое детей: Мира и Маца.

Сид Островский, пятый из семи детей, был во время Второй мировой войны летчиком в канадской бомбардировочной эскадрилье, базировавшейся в Европе. После войны он вступил в армию новообразованного государства Израиль. Там он встретился с Мирой Марголиной, которая к тому времени закончила свою службу в британских войсках, воевавших против немцев в Северной Африке.

Они поженились и поселились в Эдмонтоне, где и родился я 28 ноября 1949 года. Моя мать, которая совсем не напоминала типичную домохозяйку, нашла место учительницы в еврейской школе в Эдмонтоне. Воспитание сына она передоверила бабушке по линии отца, Бесси Островской.

Для меня было большой удачей попасть к дедушке и бабушке. Моя мать была одержима духом свободы, она мечтала о карьере актрисы и хваталась за любые, самые мелкие предлагаемые роли, что, в конце концов, привело ее в состояние полной прострации. Мой отец, наоборот, был уверен, что однажды он достигнет своей цели: воплощения американской мечты о финансовой безопасности и спокойной жизни. Но путь к этому был долг и труден. Непреодолимые противоречия характеров привели к разводу моих родителей. Мне тогда было пять лет.

Моя мать взяла меня с собой в Израиль, где обо мне заботились ее родители, Хаим и Эсфирь Марголины. Мой дед, который работал в Иерусалиме главным ревизором в UJA (Объединенном Еврейском Агентстве), ежедневно ездил из Иерусалима в Голон – маленький городок в предместьях Тель-Авива – и назад. Я охотно вспоминаю их маленький дом на улице Га-йод-далет. Это был теплый, полный любви дом. Там было много книг и долгие разговоры об исполнении сионистской мечты и об ее воплощении в реальной, повседневной жизни.

Моя бабушка, очень красивая женщина, очень гордилась собой как «Ба-лех-босс-тех», что на идиш означает примерную домохозяйку, которая подавала на стол только превосходные блюда и никогда не просила помочь ей. За ее спиной шептались, что она вовсе не еврейка. У нее были светлые волосы и светло-голубые глаза, что придавало ей совсем славянский вид. Но она происходила из ультра-ортодоксальной семьи с традициями потомственных раввинов.

Так как я выказывал тягу к рисованию, дед и бабушка привели меня к нашему соседу – художнику по фамилии Гилады. Он подарил мне ящик с масляными красками и посвящал мне некоторое свое время. Он привил мне основы перспективы и использования красок. Рисование стало моей страстью на долгие годы.

Когда я пошел в школу, мать снова забрала меня в Канаду, в городок Лондон в провинции Онтарио, но через год вернула к своим родителям в Израиль. Там я провел спокойные годы. Иногда моя мать проносилась, как смерч, но так же быстро исчезала за горизонтом. Во время одного из таких посещений она решила, что для меня будет лучше учиться в интернате. Просьбы дедушки и бабушки остались без ответа, и я провел ужасный год в столь же ужасном месте, называемом «Хадасим», в интернате в центре Израиля, который финансировался и управлялся «Хадасса Вицо» – еврейской женской организацией в Канаде. Если бы положение

в интернате было широко известно, его давным-давно закрыли бы. Но я перехватил инициативу и вернулся к дедушке и бабушке. Я вступил в военизированную молодежную организацию «Гадна» и как член стрелкового клуба «Абу Кабир», которым руководил старый майор Дан Давид, завоевал второе место на чемпионате страны по стрельбе.

В старшем классе я встретил Беллу и влюбился в нее с первого взгляда. Мы проводили вместе каждую свободную минуту, в школе мы любили одни и те же предметы, мы любили путешествия, книги, разговоры о политике, но больше всего мы любили друг друга. Когда нам исполнилось 18 лет, нас призвали в армию. Белла попала в аппарат министерства обороны, а меня направили в военную полицию. После окончания основного курса обучения я закончил курс унтер-офицера. Сразу после этого меня послали на офицерские курсы, которые я закончил, став самым молодым офицером израильской армии. Мне еще не было 19 лет, а я уже был лейтенантом. Потом я прошел курс офицеров военной полиции и спецкурс по военному праву. К этому добавлялись снайперская подготовка и минно-подрывное дело.

После завершения моего так называемого военного обучения мы с Беллой поженились. Нам еще не было 20 лет. Нам говорили, что мы слишком молоды, но я никогда не рассматривал нашу связь как помеху, а как то, над чем мы вместе работаем. Через год у нас родилась дочь Шарон и наша жизнь была полна радужных планов.

После завершения трехлетнего срока службы я покинул армию в звании старшего лейтенанта. Мы посетили мою семью в Эдмонтоне и прожили там пять лет. Наша вторая дочь Леора родилась в Эдмонтоне, когда Шарон было четыре года.

В 1977 году мы вернулись в Израиль. В день прибытия я был призван на флот и получил должность унтер-офицера по особым поручениям. В течение пяти лет я вырос до капитана третьего ранга. Большую часть срока службы я руководил отделом по испытаниям и координации новых систем вооружений до их принятия на вооружение ВМС. В это же время меня послали в Академию Генерального штаба и управления, которую я успешно окончил. После того меня стали приглашать в нее как доцента для чтения лекций.

Белла и я переживали прекрасное время. У нас был большой круг друзей, с которыми мы проводили пикники и вечеринки. Потом мне впервые позвонили люди из спецслужб. Я предположил, что это был Моссад или что-то подобное. Я должен был пройти ряд долгих и трудных тестов, до того, как я узнал бы что-то более подробное о предназначавшейся мне работе. Работа требовала длительных разлук с Беллой и детьми, ведь я должен был стать «бойцом», специальным агентом — «нелегалом» для работы в тылу противника. Я отказался, и, после многочисленных попыток меня уговорить, они приняли мой отказ.

В 1982 году я уволился с флота и стал издавать журнал о видео, первый в Израиле. Как и многие новинки, эта идея оказалась неудачной. Потом я открыл свое маленькое дело, связанное с росписью по стеклу, но и оно, из-за полного отсутствия спроса, провалилось. Я также учился программированию, полагая, что это профессия будущего.

В это время из Моссад позвонили снова. В этот раз они сразу сказали, что я не буду надолго разлучаться с семьей. Я опять прошел многочисленные тесты, продолжавшиеся почти год.

Когда я еще работал в своем магазинчике по продаже рисунков на стекле в Херцлии, ко мне пришли два человека, которых я знал еще по временам моего видеобизнеса. Они были производителями пластиковых коробочек для видеокассет. Тогда я делал для них разные графические работы. Оказалось, что один из них, некий Итцик Царуг, был тесно связан с израильским преступным миром. По заказу своих дружков он хотел попросить меня помочь им с изготовлением большого количества фальшивых кредитных карточек – Виза, Мастер Кард и др. Они передали мне несколько украденных карточек и хотели получить копии с них.

Я позвонил одному моему другу, адвокату в Тель-Авиве, который был раньше моим подчиненным в военной полиции. Я хотел заранее защититься с правовой стороны в этом вопросе.

Мой адвокат устроил мне встречу с полицейским офицером Эйтаном Голаном, шефом тель-авивского отдела по борьбе с фальшивомонетчиками. Я рассказал ему все, что знал. Он спросил, готов ли я законспирированно работать для полиции, и я согласился сотрудничать с ними на добровольной основе, если мое имя не будет названо. У меня все же были виды на Моссад.

Через несколько месяцев была арестована вся сеть фальшивомонетчиков. В газетах написали, что полиция получила помощь от некоего художника-дизайнера, но мое имя не было названо. Отделу безопасности Моссад удалось предотвратить все попытки полиции привлечь меня к суду в качестве свидетеля. С того времени я стал членом Моссад, элитной команды, стал защитником державы. Моя жизнь никогда уже не будет такой, как прежде.

Глава 1

(Четверг, 17 июля 1986 года. Каир. – Понедельник, 3 февраля 1986 года. Кипр)

Четверг, 17 июля 1986 года. Каир

Крошечная камера была жаркой и душной. В темном углу возле зарешеченного окна тархтел старый, покореженный вентилятор, который едва двигал вонючий воздух.

Я сидел в западне.

Три дня назад я прилетел самолетом авиакомпании «Аер-Лингус» из Нью-Йорка в Каир. В аэропорту меня встретили и быстро увели два коренастых человека в костюмах «сафари» с короткими рукавами. Один из моих внешне дружелюбных сопровождающих «горилл» знал английский. Он сказал, что им поручено привести меня в надежное место. Крепко взяв под руки, они впихнули меня в маленький белый автомобильчик, запаркованный у поворота перед главным входом.

«Добро пожаловать в Египет», сказал тот, кто говорил по-английски, садясь со мной на заднее сиденье, когда машина тронулась. Больше разговоров не было, пока мы не выехали с территории аэропорта. Тогда он дал мне повязку на глаза и попросил меня завязать ее.

В мутных водах шпионажа каждый учится рассчитывать на подобные вещи. В течение следующих тридцати минут я сидел в темноте. Я предполагал, что мы едем на встречу с верхушкой египетских служб безопасности и разведки. Единственной целью моего приезда в Египет было предать моего прежнего работодателя, знаменитую израильскую спецслужбу Моссад.

Не каждый день случается, что в их дверь стучит агент Моссад с целью сдать и выдать секреты. Я ожидал пресловутый прием с расстиланием красного ковра, и очень ошибся. Из-за повязки на глазах я полностью сконцентрировался на шумах. Я четко слышал типичный шум большого ближневосточного города. Полное звуков смешение автомобильных гудков и криков торговцев было мне хорошо знакомо. К шуму примешивался запах угольных печей и верблюжьего навоза. Я вспоминал Яффу или Восточный Иерусалим.

Через некоторое время шум утих, и я слышал только свист горячего воздуха через открытое окно. Я мог бы поклясться, что однажды услышал гудение дизеля и лязг танковых гусениц. Я достаточно долго прослужил в армии, чтобы понять – мы прибыли на военную базу.

Когда с меня наконец-то сняли повязку, я увидел, что мы находимся во внутреннем дворе комплекса зданий, похожих на старый лагерь британской армии. Большая квадратная площадь была окружена запущенным пятиэтажным зданием.

По темной лестнице меня привели на третий этаж. Два охранника в униформе и с автоматами встретили нас и провели через длинный грязный коридор к зеленой железной двери. Я думал, что за ней находится бюро, где произойдет моя встреча с гостеприимными хозяевами. Вместо этого я очутился в камере площадью в 10 квадратных метров. За мной захлопнулась тяжелая железная дверь. После этого я услышал щелчок запираемого замка и шаги моих удалявшихся сопровождающих.

Сначала я подумал, что речь идет о временном решении. Воздух был полон запахов мочи и экскрементов. Через зарешеченное окно можно было видеть только внутренний двор. Большая железная койка, занимавшая большую часть камеры, не была добрым знаком. Все было похоже на то, что мне придется остаться здесь надолго. Меня охватила паника. Мне стало ясно, что я пленный, и что никто в мире не знает, где я нахожусь.

Я протиснулся через неровное отверстие, пробитое в толстой стенке, похожее на склеп. Там я нашел душ с грязной клеенчатой занавеской. Напротив душа пол был наклонен, с дырой

посередине – примитивный туалет, который мы в армии называли «очком». Я быстро отпрыгнул назад, увидев, что у дыры, источника вони, кишело тараканами.

Через десять минут я услышал, как в замке повернулся ключ. Теперь, подумал я, они вытащат меня отсюда и извинятся. Я был готов принять их извинения и воспринимать все произошедшее, как то, что иногда случается в жизни.

Старик в белой длинной рубашке «галабия» вошел в камеру с подносом с фруктами, большой кружкой лимонада и единственным стаканом в руке. Он улыбнулся и поставил поднос на столик возле кровати. Охранник в униформе стоял в двери и наблюдал за нами. Старик зашел в выдолбленную в стене душевую, чтобы заменить полотенце на новое, которое он нес, перекинутым через руку. Через несколько часов он опять принес мне немного еды и новую кружку лимонада.

Ночью после первого дня в заключении я оценил сложившуюся ситуацию, и прогноз мой был плох. Не было никакого логического обоснования, чтобы они так обращались со мной как сейчас, если они, конечно, не знают чего-то, что они не должны были знать и не ведут со мной злую игру. Что они планируют? Я находился в полной изоляции, и все не имело никакого смысла.

Через окно я увидел охранника в униформе, который сидел на деревянном стуле у больших ворот. Иногда он открывал маленькую боковую дверь, чтобы переговорить с кем-то.

Большая дверь открывалась каждое утро в 9 часов с громким лязгом, чтобы впустить белый автомобиль, похожий на тот, на котором привезли меня. Я одевался и ждал кого-то, кто со мной поговорил бы. Но никто не приходил. В шесть часов вечера белая машина уезжала со двора. Я кричал и лупил жестяной миской по решетке, но, казалось, этого никто не замечал.

Жара не спадала, даже ночью. Я поставил трескучий вентилятор на край стола и направил его на себя. Потом я лег на спину в нижнем белье и накрыл голову и грудь мокрым платком. Моя голова покоилась на твердой подушке и я попытался уснуть. Уже в конце первого дня меня перестала особо раздражать вонь. И полчища тараканов мне уже не мешали, если они не доползали до моей пищи и оставались у «очка». Бесчисленные мысли проносились ночью в моей голове и не давали уснуть.

Особенно мучил меня один вопрос. Какого черта меня занесло в эту десятиметровую камеру где-то за окраинами Каира? Меня не покидала пугающая мысль, что я проведу в ней остаток моей жизни, что моя жена и мои дети в Канаде никогда не узнают, что я не сбежал от них, а попал в мышеловку.

Я не мог сказать, когда и где это кончится, но я почти с точностью до минуты мог сказать, с чего это все началось.

Понедельник, 3 февраля 1986 года. Кипр

Это было шестью месяцами раньше, в понедельник, 3 февраля 1986 года. Я жил в гостинице «Сан Холл» в Ларнаке на Кипре. Я был там, чтобы встретиться с одним бельгийским террористом. У меня в кармане был фальшивый британский паспорт на имя Джейсона Бёртона. Бельгиец был членом левой террористической организации, которая называла себя ССС (Cellules Communistes Combattantes – «Боевые коммунистические ячейки»).

Согласно паспорту я прилетел на самолете в Ларнаку днем раньше. У меня был билет и борт-карта авиакомпании «Олимпик Эруэйз», чтобы доказать это. Бельгиец должен был получить от меня ключ от запаркованного в Брюсселе автомобиля, загруженного не обнаруживаемой пластиковой взрывчаткой и парой тысяч первоклассных подрывных зарядов. Взамен я должен был получить от него банковскую квитанцию о переводе на счет одного из швейцарских банков более чем двух миллионов долларов.

Это была молниеносная операция, а я тогда был полноправным оперативным офицером Моссад. Но при выполнении этого задания с самого начала все пошло наперекосяк. На самом

деле я прибыл в Ларнаку не на самолете, а на корабле. Большую часть пути я проделал на борту сторожевого катера «Дабур», из израильского порта Ашдод. На расстоянии 100 км от Кипра я пересел с катера на яхту. Яхта ходила под греческим флагом и регулярно посещала Ларнаку. Это была не просто яхта, а плавучая конспиративная квартира¹ операторов Моссад. Ведь это было очень трудно, снять на таком маленьком острове надежные конспиративные квартиры и сохранять их предназначение в тайне.

Я был только пешкой в этой игре, спланированной в бельгийском отделе «Мелуха»². Стоило бы людям из ССС приблизиться к запаркованной машине в Брюсселе, вся их организация была бы арестована бельгийской полицией и спецслужбами. Одновременно другая группа была бы взята голландской полицией. Обе полицейские службы давно шли по следу террористов – благодаря целому ряду наводок, предоставленных им бельгийским отделом Моссад.

Поводов для этого молниеносного маневра было несколько. ССС была связана с покупкой и продажей оружия Организации Освобождения Палестины (ООП) и другим палестинским группировкам. Нейтрализация этого звена стала бы важной победой Моссад в борьбе с терроризмом.

Другой повод для этой операции, о котором я узнал много позднее, был куда запутаннее. Итцик Эфрат, шеф израильского отдела, был за это ответственен. Важную роль в этом играл агент-боец, офицер, испробованный в боях, по имени Барда, который в 1984 году вышел на след бельгийской группы и вступил с ней в контакт. Изначально группа было организована НАТО как антикоммунистическая ячейка «коммандос», которая в случае коммунистического вторжения должна была быть активизирована для проведения партизанских операций на оккупированной Советами территории. Этот план, названный операцией «Гладио» (букв. «меч гладиатора»), никогда не был осуществлен, но НАТО так никогда и не распускало созданные в соответствии с ним группы боевиков, а теперь Моссад использовал их в своих целях. Активизация законсервированной ячейки была предпринята в соответствии с договоренностью между службой государственной безопасности Бельгии и анти-террористическим отделом Моссад.

Барда объяснил бельгийской спецслужбе, что необходимы экстремальные мероприятия: жестокие террористические акты, в которых надо было обвинить коммунистов, чтобы вызвать ответную реакцию и добиться усиления сил безопасности. «Промедление следует оставить «Зеленым» и чувствительным «демократам»», говорил он частенько.

Кроме группировок НАТО, бельгийская спецслужба могла воспользоваться и почти неиссякаемым резервуаром правых фанатиков, вроде фашистской группировки под названием Westland New Post (WNP). Об этом, в любом случае, сообщали внутренние источники Моссад. Формирующиеся правые, в рядах которых было немало активных полицейских, провели под охраной бельгийской спецслужбы серию особо жестоких разбойных нападений. Эти террористы прославились под названием «Брабантские убийцы». В сентябре и ноябре 1985 г. они провели несколько нападений на супермаркеты и совершили политическое убийство бельгийского священника. Кроме того, они совершили ряд угонов грузовиков, приписанных позднее другим преступникам, которые были «застрелены при попытке к бегству». Нападения не имели никаких финансовых мотивов. Их целью был чистый террор и дестабилизация бельгийского правительства, склонявшегося влево. Три члена группы вынуждены были покинуть страну в 1985 году. Они сбежали в Израиль и получили в Моссад новые документы, что было частью соглашения, которое первоначально было заключено с бельгийскими партнерами правоэкстремистского крыла.

¹ Под этим следует понимать квартиру или дом, используемую во время операции и не связанную с посольством. Она, как и обычное жилище, снабжена нужными запасами и всегда готова к использованию (все примечания – авторские).

² Melucha – департамент Моссад, который отвечает за тайные операции в Европе и вербовку агентов. Ранее его кодовое имя было «Цомет» («Tsomet»). Он разделен на отделы по географическому принципу, которые поддерживаются резидентами на местах.

Требование бельгийцев к Моссад, найти путь, по которому правым экстремистам поступало бы оружие, без уведомления об этом бельгийских партнеров, и привело к молниеносному маневру, в который я был замешан на Кипре в 1986 году.

Барда указал правым тайник СССР с оружием, которое им продал Моссад. Он сказал им, что они смогут его забрать, когда полицейские арестуют коммунистов.

После десятиминутных усилий, когда я перебирался с одного качающегося корабля на другой, я за день до передачи ключа человеку из СССР встретился с Зеевом Алоном. Он был руководителем технических спецопераций и покидал остров. Его присутствие на яхте было очень необычным. Я был в отделе вербовки и не был знаком с спецоперациями. Он же, напротив, поддерживал со своим подотделом «прудот» в основном «агентов-бойцов»³ сверхсекретного департамента Метсада⁴. Они обычно используют бойцов в арабских странах для проведения спецопераций по линии подразделения «Кидон»⁵.

Зеев сообщил мне о новом дополнительном задании. Я должен был теперь поработать так называемым «ретранслятором» или станцией подтверждения (как дублер – «бэк-ап») при проведении операции, которая, по воле обстоятельств, была спланирована в самую последнюю минуту.

– Кипр для нас не самое гостеприимное местечко, – сказал он. – Чем меньше у нас там людей, тем лучше.

Лидер ливийской революции Муамар аль-Каддафи пригласил на трехдневную «встречу на высшем уровне» так им называемые «Панарабские команды революционных сил арабской родины». Иными словами, речь шла о встрече всех ведущих руководителей терроризма. Лакомый кусочек для Моссад, который он упустить не мог.

³ «Бойцы» – агенты – «нелегалы», израильтяне, завербованные для проведения опасных операций в тылу противника. Бойцов готовят отдельно от других сотрудников Моссад и они ничего не знают об организации, чтобы они не смогли ничего выдать в случае пленения.

⁴ Metsada – отдел Моссад, на который работают «бойцы» и группа «Кидон»

⁵ Kidon – подразделение отдела «Метсада», ответственное за силовые спецоперации и убийства в тылу противника. Все убийства Моссад приходятся на счет «Кидона» (по-русски «штык»)

Муамар аль-Каддафи (1942–2011) в 1976 году с ребёнком

В связи с этим в Ливию был послан агент-боец под прикрытием документов корреспондента франкоязычного журнала «Африк-Ази». Агент узнал, что после конференции многие палестинские вожди полетят в Сирию на частном реактивном самолете «Гольфстрим-2». Моссад убедил премьер-министра Переса дать согласие на угон самолета.

Из-за весьма щекотливого характера этой операции босс Моссад хотел иметь свидетеля, который на месте подтвердил бы, что люди, ради похищения которых все это было затеяно, действительно сели в самолет. Он должен был послать кодированное сообщение об этом через мобильную систему связи. Торговое судно, находившееся на пути в Гибралтар, должно было ретранслировать это сообщение в Израиль. Необходимость связи-дублирования была известна из-за прежних проблем передачи сообщений подобного рода. Эта связь нуждалась в хорошей погоде, что не во все времена года было возможно. Теперь мне предстояло стать системой –

дублером. Это должна была быть простая и надежная операция. Боец, как только он увидел бы людей на борту самолета, должен был передать сигнал об этом, а также позвонить мне в гостиницу. Когда они были бы на борту, он должен был сказать мне, что кукушка покинула гнездо. Тогда я по «биперу» (мини-передатчику) дал бы сигнал, подтверждающий сообщение.

После этой информации Зеев пожелал мне удачи, перебрался на борт «Дабура» и поплыл назад в Израиль. Без сомнения, был еще и третий дублер, о котором я ничего не знал.

Встреча с бельгийцем и передача ключа прошли гладко. Через 9 дней, 12 февраля 1986 года, бельгийская полиция взяла этого парня и его товарищей из СССР. Террористы имели при себе два центнера взрывчатки и тысячи зарядов. Одновременно правые, криминальные партнеры Моссад, вломились в несколько складов на окрестностях Антверпена. Фашисты захватили привезенные на двух полностью набитых грузовиках горы легкого стрелкового оружия и несколько тонн боеприпасов.

Только с дополнительным заданием у меня возникли трудности. В моей гостинице в Ларнаке я познакомился с палестинским коммерсантом из Аммана, «установил контакт», как это называется на нашем жаргоне. Он был одним из немногих туристов в отеле. Такие недозволенные контакты были абсолютным табу, но было известно, что все оперативные «полевые» офицеры постоянно это табу нарушали. Люди рискуют: если это сработает, то станешь героем, если нет – будешь об этом молчать.

Выяснилось, что коммерсант прибыл прямо из Ливии и поддерживал контакты с ООП. От него я узнал, что в Триполи нас перехитрили. Он сказал мне примерно так: «Израильтяне завтра нажрут дерьма!». Я знал, что в штабе Моссад учитывалась возможность того, что нас перехитрят, но никто не думал, что палестинцы на это способны.

Я попытался выйти на контакт с тем, кого я знал в нашей системе, чтобы предотвратить то, что казалось уже неизбежным. Я боролся с бесчисленными препонами, воздвигаемыми перед командно-контрольным центром Моссад во время каждой операции. Ирония состояла в том, что промежуточные препятствия-«буфера», задуманные для усиления безопасности, сейчас блокировали предупреждение. Командный центр находился на авиабазе Маханех Давид. Меня не покидало чувство, что кто-то был сильно заинтересован в провале операции.

Я получил звонок «бойца» и передал его сообщение, так как я был только реле-станцией, ретранслятором, я должен был передавать его чисто в таком виде, в каком оно пришло, и не мог ничего ни убавить, ни прибавить, хотя я был почти уверен в том, что сообщение ошибочно. Я никогда так и не узнал, было ли сообщение передано на корабль ВМС или нет. Возможно, что было, но этот факт был настолько тщательно скрыт до завершения операции, чтобы в случае неудачи ее можно было списать на козла отпущения, в роли которого должен был выступить именно я. И, конечно же, самолет был перехвачен и принужден к посадке, и важных птиц на его борту не было.

Я покинул Кипр на яхте, которая должна была доставить меня на борт катера «Дабур». Но кто-то хотел, чтобы я еще не прибыл в Израиль в это время. «Дабур» получил приказ, проторчать в море еще несколько дней. Командование ВМС приказало капитану катера симитировать поломку двигателя. Я знал, что кое-кто таким образом выигрывает время, чтобы сделать из меня козла отпущения за эту проваленную операцию.

Мне не было понятно, как можно это сделать, если, конечно, агент-«боец» не будет перевирать историю. В таком случае я буду тем, кто неправильно понял сообщение агента. Я не сомневался в том, что все записи, свидетельствующие о моих попытках предупредить командный центр, были стерты и уничтожены, и это предположение оказалось верным. Когда мы, наконец, прибыли в порт Ашдод, приветствовать меня прибыл Орен Рифф, тогдашний началь-

ник штаба бюро Моссад. Мне пришлось на себя ответственность за неудачу. Я должен был знать, что это делается ради блага бюро⁶. У меня не было другого выбора, и я согласился.

⁶ «Бюро» – так сотрудники Моссад именуют свою организацию. Моссад никогда не называют своим настоящим именем.

Глава 2

(Февраль 1986 года. Израиль. – Среда, 12 февраля 1986 года)

Февраль 1986 года. Израиль

В середине февраля «Кипрское фиаско», как его называли, уже отошло в прошлое. Я же оставался под постоянным наблюдением. Жизнь стала для меня очень тяжелой, пока надо мной нависала эта тень.

Я все еще был работником на испытательном сроке, который в Моссад длится 4 года, кроме того, я был под специальным надзором. Почти все мои коллеги не хотели сотрудничать со мной из-за этого особого наблюдения. – Не всегда можно быть совершенным, – говорил мне Арик, один из моих коллег. – Когда-то ты совершаешь ошибку, и тогда все наваливается на тебя. Почему бы тебе просто не сдаться и не оставить службу? Я знал, что он прав, но у меня не было желания капитулировать. Для меня служба в Моссад была наивысшим, чего может достичь человек. У нас шутили, что Мессия, если его пришествие состоится, точно будет человеком Моссад.

Я работал вполсилы, контролировал в два раза тщательнее любой свой шаг, чтобы удостовериться, что все происходит абсолютно безукоризненно. Я не хотел доставлять удовольствие своим руководителям поймать меня на чем-либо.

Я знал, что они из-за моих политических убеждений были бы рады от меня избавиться. Я был центристом, но по меркам Моссад я был левым, возможно даже слишком левым.

Постоянное напряжение стоило мне дорого. Моя семейная жизнь никак не улучшалась. Под подобным давлением, в первую очередь, всегда страдает семья. По правилам Моссад все агенты должны вступить в брак до их отъезда на службу за границей, но только у немногих семейная жизнь была счастливой, даже в случае вторых браков. Я начал поздно приходить домой, потому что старался проводить свое небольшое свободное время в кабачке с друзьями. Это была постоянная болтовня. Если кто-то вставал и уходил первым, ему перемывали косточки и едко над ним насмехались. Потому самым лучшим было сидеть «до упора».

Я знал, что виновен в том, что пренебрегаю своей женой Беллой и детьми. Но я тешил себя тем, что это была, на мой взгляд, только временная ситуация, и что я все исправлю, как только меня по-настоящему включат в систему как полноправного сотрудника.

Работа в Моссад всегда была своего рода извинением за постоянно поздний приход домой. Вместо того чтобы обратиться к жене, которая была моим лучшим другом, я удалялся от нее. И она не хотела видеть никого из бюро: она их всех видела насквозь. Так как я ничего не мог изменить в сложившихся обстоятельствах, то я успокаивал себя мыслью, что Белла просто ошибается. В конце концов, я ведь принадлежал к Моссад, к элите, к немногим избранным. Но дома я больше не был человеком Моссад, и это было в порядке вещей.

Среда, 12 февраля 1986 года

Мы проводили маленькую операцию в единственной стране мира, где Моссад не имел права работать – в самом Израиле. Хотя не существует правил, регламентирующих деятельность Моссад, это является неписаным законом, соблюдение которого болезненно строго контролирует «Шабак»⁷. В случае неудачи операция должна была показаться простыми учениями.

Эта особая операция должна была пойти на пользу двум фирмам, занимающимся оптической электроникой: «Эль Оп» и «Реховор Инструментс». Эти фирмы работали над созда-

⁷ Служба внутренней безопасности Израиля, по целям схожа с американским ФБР.

нием специального аппарата, который мог бы посылать и передавать цифровые фотографии (DPI), и соответственного оборудования для т. н. «Мазлатс», беспилотного летательного аппарата с дистанционным управлением. Это был совместный проект Израильской авиастроительной компании IAI (Israeli Aeronautical Industries), филиала Корпорации военной промышленности Израиля Israeli Military Industries (IMI), и американской фирмы AAI из Балтимора, штат Мэриленд, которая находилась в собственности United Industrial Corporation. Создание DPI оказалось очень дорогим и технически проблематичным. IAI, которая обладала огромным финансовым и военно-техническим потенциалом, входила в список фирм, которых поддерживал Моссад. Моссад задумал специальный план, чтобы вытянуть из болота эту застрявшую телегу.

IMI было сказано, что она должна заключить соглашение о разработке с американской корпорацией Recon Optical Industries. «Рикон», ведущая американская фирма в сфере создания той технологии, которая была нужна нашим фирмам, также участвовала в тайном американском проекте, который должен был значительно улучшить возможности тактической и стратегической разведки американских вооруженных сил.

На основе совершенно другого и не связанного с вышеупомянутым проекта, который, к тому же, финансировался американцами в рамках их военной помощи Израилю, военно-воздушные силы Израиля заключили соглашение с «Рикон». План Моссад состоял в том, чтобы израильские офицеры ВВС сотрудничали с американцами. Их задачей был бы технический надзор и контроль качества. Но на самом деле они должны были красть технологию, чтобы Израиль смог сэкономить расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и составить конкуренцию на рынке обворованным им же американским компаниям.

Еще до начала нашей операции несколько групп агентов Моссад пробрались на военно-воздушную базу Рамат-Ган близ Тель-Авива и тайно перетащили в картотеку резерва ВВС папки с личными делами сотрудников фирмы «Эль Оп». Это позволило бы инженерам «Эль Оп», замаскированным под израильских офицеров ВВС, посещать США и стажироваться там, на фирме «Рикон».

Нашей целью сейчас было проделать то же для фирмы «Тадиран».

Арик и Амир вынырнули к моменту смены караула на главном въезде на базу уже в форме охранников и с соответствующими документами. Настоящий караул был задержан нашей другой группой, которая действовала под видом военной полиции.

Фельдфебель – начальник караула – получил по телефону из управления кадров указание, что ему придаются два новых охранника – Арик и Амир. На самом деле это звонил я из телефонной будки, но фельдфебель принял это за чистую монету. Все, что ему было нужно, это два человека на воротах.

Мы приближались к главному зданию, когда Йоси сказал мне: – Я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился.

– Сейчас? Йоси и я были в военной форме с нашивками старшего ефрейтора.

Я припоминаю, что он кивнул и улыбнулся. Для него это не было проблемой.

– Понимаешь, Йоси, – прошептал я, когда мы поднимались на небольшой холмик перед зданием управления, – мы сейчас в самом разгаре «упражнения» и нам действительно нужно кое-что сделать. Не можем ли мы это сделать в другой раз? Мы ведь можем каждый день проходить на базу. Нам только нужно показать наши пропуска.

– Да, – и он скорчил на своем детском личике хитрую гримасу. – Я знаю это, но мы именно сейчас здесь. Я все устроил так, чтобы у нас хватило на это времени. Он замолчал, когда к нам приблизились два офицера. Мы небрежно поприветствовали их, но они даже не удосужились ответить на наше приветствие. Когда они удалились, Йоси продолжил: – Если все пойдет по плану, у нас будет 10 минут времени, пока нам не нужно будет возвращаться.

– А что сможем мы сделать за десять минут?

– Я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился.

– А если я этого не хочу?

– Я не могу тебя принуждать ни к чему. Но я скажу, что я уже не могу выносить твою траурную рожу и твои шарканья взад-вперед. И я тебе хочу хоть ненамного вернуть к жизни.

– Я ценю это, спасибо, но...

– Я говорю о женщине, которая обязательно хочет...

– Я же не буду из-за этого вламываться ночью на военную базу.

Йоси замолчал. Мы достигли здания, которое было нашей целью, остаток из времен британского правления, светло-желтый прямоугольный дом с тремя рядами маленьких окон. На ветру шуршала листва эвкалиптов на площадке перед зданием. Под лучами заливающего света фонарей с улицы и с высокого ограждения деревья отбрасывали причудливые тени на чисто оштукатуренные стены и создавали беспокойные подвижные картины, которые полностью соответствовали моему душевному состоянию.

Йоси стал серьезным. Теперь было время работы и, к моему облегчению, он полностью сконцентрировался на ней.

– У тебя все с собой? – спросил он.

Я полез рукой под рубашку и нащупал там большой пластиковый конверт.

– Да.

– Тогда вперед.

Мы вбежали на узкую лестничную клетку. Мы должны были быть осторожны: на каждом втором этаже нас могли увидеть снизу. Дом сам не был особо охраняемой зоной, но если охрана увидит нас на лестнице или внутри, могут возникнуть проблемы. Обход совершали три патруля.

После проникновения вовнутрь, мы заторопились. Сначала мы проверили, что поблизости нет ни одной обнимающейся парочки – любимое занятие израильских солдат, которые должны оставаться на базе, и не выполняют при этом каких-то служебных поручений. Комната была полна шкафов с картотеками, а на противоположном конце стоял огромный серый сейф. Йоси подошел к письменному столу у двери и открыл ящик. – Иди к сейфу. Сейчас я тебе прочитаю комбинацию.

Я подошел к сейфу и поставил диск на «ноль». – Откуда ты здесь возьмешь номер?

– В этом-то и состоит разница между агентом и взломщиком. Я установил контакт с девчонкой, которая здесь работает, и провел с ней некоторое время.

– Правда?

– Не смейся. Это жертва с моей стороны, – сказал Йоси.

– Жертва?

– Ты должен ее увидеть. Поверь мне, это была жертва. Он хихикнул.

– Ты же не должен был затягивать ее в постель.

– Там и не было постели. Впрочем, я не могу иначе, но для меня всегда считается: женщина это женщина это женщина.

– Чего же ты теперь причитаешь?

Он пожал плечами и заглянул в ящик стола. – Семнадцать направо, четыре налево. И так продолжалось, пока замок не открылся. Я повернул хромированное колесико и открыл дверь сейфа. Внутри штабелями лежали папки с личными делами. Мы поменяли их менее чем за пять минут и были готовы к отходу.

Внезапно послышался шум у внешней двери. Мы оба замерли. Мы не знали, делает ли патруль обход и внутри здания или только смотрит, чтобы входная дверь была закрыта.

– Ты закрыл входную дверь? – прошептал я.

– Да, я запер ее!

Мы тихо подошли к окну и выглянули наружу. Было достаточно высоко. После того, как они проконтролировали дверь, охранники ушли дальше. Это были солдаты-женщины. Мы вздохнули с облегчением, увидев, как они удалились от здания.

Все прошло хорошо. Теперь мне только хотелось смыться отсюда как можно скорее. Я закурил сигарету мы пошли к воротам.

Йоси посмотрел на часы.

– У нас еще есть двадцать минут, намного больше, чем запланировано.

– О чем ты говоришь? Мы справились с делом. Чего мы ждем?

– Дов говорил, что мы не должны уходить раньше десяти.

– Ты хочешь сказать, что они на нас еще что-то навесили? Чтобы получить полную отдачу от нашей работы учебный персонал Моссад частенько при проведении, в общем, простых операций подбрасывал нам дополнительные вводные. Они хотели проверить нас и удостовериться, знаем ли мы, что за нами наблюдают. Подобные тренировки делаются и в Европе, когда агенты проводят рутинные операции. Знание того, что агентов могут контролировать проверяющие, должно заставить их стараться всегда.

– Все равно, – сказал Йоси. – Мы не можем выходить раньше десяти часов и то только по одиночке. Если все чисто, мы встретимся где-нибудь. Если нет, то делай то, что ты должен делать. Я пойду последним, как настоящий капитан. Так ты идешь со мной? Я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился.

– Забудь об этом, Йоси. Я не в настроении.

– Тогда сделай это ради меня. Хаим и я не можем все делать одни, нам нужен третий. Мы уже трахали ее в прошлом месяце. А Хаим знал ее еще раньше, в Хайфе.

– Почему ты не позвонишь Джерри? – скривился я.

– У нас там есть женщина и нам нужен еще один мужчина. Ну, пойдем же.

Он был решительно настроен вытащить меня из моей депрессии, а секс казался им лучшим методом для этого. Мы подошли к серому блочному дому, который находился между воротами и главным зданием. Начинался дождь. Я стал под козырьком за спиной у Йоси, когда он постучал в дверь.

Йоси прошептал: «У меня сейчас нет времени рассказывать тебе всю историю. Представь себе, что мы из «Шабак». Но будет самым лучшим, если ты вообще будешь молчать. И мы, конечно, не женаты, никто из нас. И не называйся ей, я имею в виду фамилию». Он постучал еще раз.

Нежный женский голос ответил: – Кто там?

– Йоси.

– Заходи.

Он медленно открыл дверь и втащил меня за собой.

– Дина, как твои дела? Он подошел к стройной, удивительно красивой блондинке, которая сидела за большим металлическим столом. На ней был большой для нее зеленый армейский свитер, на рукавах которого небрежно были пришиты сержантские нашивки, узкие отбеленные джинсы обтягивали ее ноги, высовывающиеся из-под стола и почти касавшиеся маленькой горячей печки.

Йоси нагнулся и поцеловал ее в щечку. Потом он стал за ней, положив руки ей на плечи, и сказал: «Милая, это мой друг Дан».

Я улыбнулся ей, она ответила мне улыбкой. Я был растерян, не находил себе места, но на меня гипнотически воздействовали ее голубые глаза. По комнате скакали красноватые отблески огня в печке, и я начал чувствовать тепло.

– Что вы здесь делаете? – спросила она Йоси.

– Инспекцию. Мы проверяем, надежно ли охраняется это место.

– Ну и как, надежно?

Йоси подумал минутку и подошел к ней поближе. – Не волнуйся, ты в безопасности, пока мы здесь.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Йоси склонился к ней и поцеловал ее в губы. Поцелуй длился бесконечно. Когда я повернулся и хотел уже уходить, я увидел, как она медленно подняла руки и держала его голову. Его рука скользнула в вырез свитера и стала щупать ее грудь. Я подождал снаружи пару секунд, пока не услышал, как он сказал: «Послушай, милая, один из нас придет сегодня к тебе, где-то в полночь».

– О'кей. Если меня здесь не будет, тогда ты знаешь, где лежит ключ, не так ли?

Йоси вышел и ухмыльнулся, закрывая за собой дверь.

– Ну, дружище, если все пойдет хорошо, то мы увидим Дину в полночь.

Глава 3

Покидая базу, я думал о том, не наблюдают ли за мной. Это уже стало моей второй натурой. Когда я удостоверился, что «чист», то позвонил Дову. Телефон позвонил дважды. – Да? – прохрипел Дов.

– Это Кид.

– В чем дело?

– Я только хотел тебе сказать, что я «чист».

– Точно?

– Абсолютно уверен.

– Где ты?

– На перекрестке Элит. Есть еще какие-то дела? Я хочу как можно быстрее вылезти из этой вонючей униформы.

– Ты на какой стороне перекрестка?

– Возле алмазной биржи.

– О'кей, подожди минутку. Пауза в две минуты. Когда он вернулся, он сказал только: «Спокойной ночи. До завтра». Его голос звучал немного цинично, что было обычным для него. Этому он научился у Мусы, своего шефа, и развил дальше это качество.

Я еще не повесил трубку, как возле телефонной будки, визжа тормозами, остановился полицейский автомобиль. Я видел, как полицейский в форме выпрыгнул из машины и направился ко мне. Я медленно повесил трубку и повернулся к нему. Я знал эту рутинную процедуру – типичная учебная тренировка, чтобы мы познали на своей шкуре все то насилие, которое может быть использовано против нас при задержании за границей. Я ухмыльнулся; это не было хорошей идеей, но мне было все равно. Я знал, что смогу это перенести.

– Эй, ты! – заорал полицейский.

Мне эта ситуация показалась смешной. Я еще припоминал, как меня в начале волновали и пугали подобные встречи. – Что? Мне пришлось хихикнуть. – Ты ко мне обращаешься?

– А что тут смешного?

– Ты ко мне обращаешься?

– Ты думаешь, что это смешно, не так ли? Я тебе сейчас покажу, насколько это смешно. Он дернул дверь и всунул свою бульдожью рожу в будку, так, что почти коснулся меня. Нас всегда учили на тренировках, как мы должны действовать в подобных ситуациях. Я всегда должен быть очень дружелюбным, готовым к сотрудничеству, приветливым, чтобы успокоить его и устранить проблему.

Но на это у меня сейчас не было настроения. – Ты ко мне обращаешься? Слова просто сами выскакивали из меня, а ухмылка становилась еще шире.

Он схватил меня за воротник рубашки и толкнул к стенке будки. Я ударился о железную полочку под телефоном и почувствовал резкие колющие боли в ногах. – У тебя документы с собой? Его лицо было перекошено от ярости из-за моей улыбки. Он повернулся к своему напарнику, который медленно выходил из машины. – Мы тут поймали неплохой улов. Нужно ли нам взять его в город, чтобы дать там ему настоящую взбучку?

Второй полицейский был настоящим великаном. – Ну, маленький солдатик, – сказал он, – я уже вижу, что ты с нами с удовольствием поиграешь.

– Ты ко мне обращаешься? Я больше не ухмылялся. Пока маленький полицейский держал меня, второй ударил меня своей гигантской, хоть и не сжатой в кулак рукой, по лбу, так, что я затылком врезался в стекло будки. Я услышал звон разбитого стекла. Я почти потерял сознание – то ли из-за рук на моем горле, то ли из-за парового катка, который меня только что переехал.

Внезапно полицейские схватили меня и вытянули из будки. Неожиданный глоток свежего воздуха вернул меня в сознание.

– Ты поедешь с нами, маленький солдатик, – сказал один из них, втискивая меня на заднее сиденье патрульного «Форда – Эскорта».

– Откуда ты взялся? Он зажал мою голову между моими коленями, выкрутил руки за спину и надел на них наручники.

– Ты ко мне обращаешься?

Короткий удар в спину заставил меня вскрикнуть. Когда я попытался поднять голову, он снова нагнул ее вниз, так что мои губы уперлись в колени. Я остался внизу. Что бы ни случилось, они не должны оставлять никаких следов на моем лице. Мое лицо было важнейшим инструментом моей странной профессии. Я не смог бы выполнять свою работу с избитым до синяков лицом. Я знал, что по их инструкциям они не должны ранить меня и оставлять на мне видимых следов побоев, но легавые часто срывались с поводка.

Я хотел сказать им: «Я знаю ваш трюк и давайте закончим», но единственными словами, которые я произносил, были: «Ты ко мне обращаешься?»

Я больше не мог сконцентрироваться. Кроме того, этот ублюдок постоянно то подымал меня за голову, то бил по ребрам. Острая боль время от времени вырывала меня из моей апатии и заставляла вернуться к реальности. Я знал, что стоит мне захотеть, и я закончу эту игру, но что-то мешало мне поступить так.

Пытка длилась почти целый час, пока мы не подъехали к тому же месту, где они меня взяли. Машина остановилась, водитель повернулся, схватил меня за волосы и повернул мое лицо вверх. Я мог видеть все только расплывчато, а в моей голове колотили молотки.

Горилла сильно вспотел.

– Что ты тут делаешь, маленький ублюдок? – прошипел он мне прямо в лицо и еще сильнее схватил за волосы.

– Ты ко мне обращаешься? – пробормотал я. Я чувствовал, что они сбиты с толку. Это не походило на обычный для них процесс. Они не были уверены в том, что я или они не делают что-то неправильно. Горилла уставился в окно и был, очевидно, озабочен, не зашел ли он слишком далеко.

– Да, засранец, я к тебе обращаюсь, – сказал он, наконец. Я еще сам не осознавал, как нужна мне была эта маленькая победа.

– Почему же ты это мне сразу не сказал? – я слабо улыбнулся.

Он облегченно улыбнулся мне в ответ и отпустил мои волосы. Его друг снял с меня наручники и осторожно помог мне выйти. Перед тем, как закрыть дверь, он взглянул на меня – Ты в порядке? Ты не сердишься на нас?

– Я не сержусь. Я пожал плечами и поплелся назад в телефонную будку. Выбитое стекло глядело на меня. Мне казалось, что прошло очень много времени, я почти забыл, с чего это все началось. Я набрал номер и на втором гудке трубку взял Дов.

– Это Кид, – сказал я.

– В чем дело?

– Ты сукин сын. Я только что спустился с американских горок.

– Почему это длилось так долго?

– Я не знаю. Наверное, были проблемы со связью у владельца «Луна-парка».

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу этим сказать, что я сыт по горло, козел! Что же еще?

– У тебя все в порядке?

– Ну, а как же иначе? Это я переживу.

– О'кей, напиши все в отчете. Завтра мы увидимся. Он повесил трубку.

Я набрал еще раз, на этот раз номер приемной в Академии, где мы тренировались. Йоси и Хаим должны были быть там. Мы договорились, что мы ждем там, пока не придет последний из нас. На часах было 23.40, Йоси поднял трубку после пятого гудка. Он задыхался, как после долгого бега.

– Да?

– Йоси?

– Эй, Виктор, где ты, черт побери? Мы уже хотели бросить тебя.

– Кто это «мы»?

– Хаим и я, кто же еще?

– Почему ты кашляешь и задыхаешься, будто только что пробежал марафон?

– Мы играли в настольный теннис. Что ты собираешься делать?

– Ничего особенного. Мне нужно местечко, где я мог бы расслабиться и отдохнуть.

Он хихикнул. – Я думаю, что конфетная фабрика подойдет.

– Конфетная фабрика? Я после побоев был все еще не в состоянии быстро соображать.

– Дина, я говорю о Дине. Хаим и я дали ей кодовое имя «конфетная фабрика». Где ты сейчас?

– Я на перекрестке Элит в Рамат-Гане.

– Мы заберем тебя через 10 минут у маленького универмага «Лондон».

– Пока. Я повесил трубку и поймал такси. Через пару минут я уже стоял на углу и смотрел в северном направлении вдоль улицы Евен-Гвиголь. Джип остановился прямо передо мной.

Хаим сидел сзади. Он высунул свою лысую голову из окна. – Ну, запрыгивай. У нас не вся ночь в распоряжении. У нас еще есть работа.

– Работа?

– Да, одно адвокатское бюро. Мы должны пробраться в бюро и сфотографировать парочку дел.

– С каких это пор?

– Со вчерашнего дня.

– Почему я ничего об этом не знаю?

– Ты неходишь в нашу команду. Мы это не выбирали, нам приказали.

Я почувствовал дрожь в спине. Йоси, Хаим и я были почти с самого начала в одной команде. Не было никакого смысла разрывать нас, мы взаимно дополняли друг друга. Я мог представить себе только, что кто-то заинтересован в моей изоляции. Я не был параноиком. Если бы это было законным шагом, то они сообщили бы мне об этом и дали бы мне объяснения. Но то, что все происходило за моей спиной, было наихудшим. Но в этом я не мог ничего изменить. Самым разумным было – просто принять это так, как есть.

– Разве мы тебе не сказали, что в полночь будем у нее? Я рванул за ними. Ожидаемая встреча возбуждала меня.

– Я тоже так думал, – сказал Йоси и повернулся к нам. – Мы быстро оставим Виктора у нее, а потом сделаем нашу работу. Затем мы вернемся и заберем тебя.

– Или присоединимся к тебе, – сказал Хаим.

Я кивнул: – Пойдет.

– Мы зайдем с тобой к ней на чашечку кофе, а потом смоемся, – добавил Йоси.

Я рассказал им о моей встрече с полицией.

– Они тебя сильно избили? – спросил Йоси.

– Достаточно. Я сам на это нарывался.

– Я думал, ты словами можешь любого припереть к стенке. Хаим пристально разглядывал меня.

– Не знаю. Действительно не знаю. Могу только сказать, что у меня не было желания разговаривать с ними.

Мы ехали в сторону улицы Диценгофф. На углу улиц Диценгофф и Гордон Йоси так круто повернул, что джип чуть не перевернулся. Он остановился у тротуара.

– Славно припарковался, – заметил я. – Ты всегда делаешь так?

Мы засмеялись. Гордостью каждого в нашей профессии было право нарушать правила движения. Номер джипа был поддельный, но если бы даже полиция и внесла его в компьютер, его все равно заменили бы через пару дней. У нас также была идентификационная карта, с помощью которой мы могли где угодно послать подальше любого легавого. Это был наш джокер, и мы только и ждали момента воспользоваться им.

– Мы на месте, – провозгласил Йоси и выпрыгнул из машины. Хаим и я последовали за ним. Это был типичный для Тель-Авива жилой многоквартирный дом.

– Это здесь. Йоси остановился у правой двери на темной лестничной клетке. Он повернулся ко мне перед тем, как нажать кнопку звонка. – Помни, что мы из «Шабак», что мы холостяки и что... Он повернулся к Хаиму: – Где мы живем?

– В Натанье.

– Почему в Натанье? Почему из «Шабак»? – спросил я.

– Натанья – потому, что это далеко, а из «Шабак» – потому, что мы не можем говорить, что мы из Моссад. Понятно? Мы не хотим быть полицейскими, а это ближе всего.

– О'кей, с этим я могу жить. Как часто нужно вспоминать эту легенду?

– Мы ее рассказали ей один раз, – тихо сказал Хаим.

– И больше мы об этом не говорили, – заметил Йоси и позвонил.

Я был спокоен потому, что недавно испытал хорошую трепку. Я был недалеко от того, чтобы уснуть на месте. Чувство вины, которое я испытывал в связи с подобными авантюрами, было приглушено. В моем подсознании мне казалось, что я уже был сегодня наказан – еще до того, как совершил этот грех. Кроме того, мне еще не было ясно, настолько ли далеко это зайдет, чтобы я почувствовал себя виноватым.

Звонок прозвучал резко и неприятно, голос, который последовал за ним, был мягким и почти неслышным. – Подождите, пожалуйста. Она взглянула на нас сквозь дверной глазок, затем открыла дверь. – Привет, ребята, я уже думала, что вы больше не придете, и хотела идти спать. Она сделала шаг назад, чтобы пропустить нас.

– Не отрывайся от нас, – сказал язвительно Йоси, – мы можем сразу следовать за тобой.

Она закрыла дверь за собой. Хаим сразу направился к большой кровати в центре комнаты и плюхнулся на нее. Комната была слабо освещена, в воздухе чувствовались влажность недавно принятой ванны и легкий аромат духов. Этот запах придавал чувственность. Я ощущал именно аромат женщины. Комната была обставлена просто, тепло и соблазнительно. Я заметил, как с каждой минутой сильнее стучит мое сердце.

Дина была прекрасна в своем длинном платье. Она медленно пошла в сторону ванной, затем включила свет в помещении, которое я вначале совсем не заметил. Это была маленькая кухня. – Не хотите чего-нибудь выпить?

– Для меня кофе, – ответил Хаим, не оборачиваясь.

– Забудь об этом, – послышалось из ванной. – Нам еще нужно кое-что проверить. Мы позже заберем Дана. Мы всегда находили повод, чтобы использовать агентурные псевдонимы вместо настоящих имен, что бы мы ни делали. Это вошло в привычку, стало нашей второй натурой.

Йоси вышел из ванной, прижал девушку к себе и поцеловал ее. Она не показывала сопротивления. Он отпустил ее и повернулся к Хаиму. – Пойдем, старик. У нас еще есть дела и у Дана тоже. Он повернулся ко мне. – Согревай постель, пока мы не вернемся.

Меня взбесило, как он себя вел, как будто бы он обидел меня, хотя на самом деле это она должна была чувствовать себя обиженной, но она не обижалась. Меня рассердили ее покор-

ность и то, что он эту покорность использовал. Она закрыла дверь, прислонилась к двери и посмотрела на меня. Я смутился. Я пришел сюда из-за секса и не был настроен ни на что другое.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спросила она и впервые улыбнулась мне.

– Кофе, пожалуйста, если можно.

– Устраивайся поудобней. Я сейчас вернусь.

Она проскользнула сквозь комнату, распространяя свой аромат, я почувствовал упругость в своих брюках. В кухне загремели чашки. Я зажег сигарету и взял в руки маленький блокнотик, который лежал на прикроватном столике.

Я раскрыл его и увидел, что он весь исписан мелким аккуратным почерком. Моей первой реакцией было сразу же положить его на место. Но потом я все же заглянул в него.

Я снова почувствовал стыд. За каким чертом меня, тридцатисемилетнего женатого мужчину, отца двоих детей, занесло в постель этой молодой женщины?

Я начал читать. Сначала я не понимал смысла – короткие, рифмованные положения, значения которых я не улавливал. Дина вошла с двумя чашками в руке и села возле меня на кровать. Ее колено выскользнуло из платья и вроде бы случайно коснулось моего. Я кашлянул. Она начала пить свой кофе, и ее лицо наполовину спряталось за чашкой. Я поднял книжечку. – Это ты написала?

Она молча кивнула, как будто бы ожидала, что я скажу еще что-то.

– На самом деле?

– Да, – ответил она, поставила чашку и улыбнулась мне.

– Почему?

Она придвинулась поближе, ее улыбка стала шире. – Как тебе это нравится?

– Я нахожу это великолепным.

Она отодвинулась назад и тихо засмеялась. – Что ты имеешь в виду?

– То, что я сказал. Мне было ясно, что любой, кто испытывал бы такую же сексуальную страсть, как я сейчас, не дискутировал бы о поэзии. – Мне в самом деле жарко, – сказал я.

– Почему ты не примешь душ и не переоденешься? Кажется, тебе бы это помогло.

– Ты имеешь в виду, что от меня воняет? – засмеялся я.

– Нет, нет, вовсе нет...

– Ну, хорошо. Я встал и пошел в ванную. – Но у меня нет другой одежды, чтобы переодеться.

– Возьми банный халат на двери и еще ты можешь взять что-то из вещей моего мужа.

Я остолбенел. – Твоего кого?

– О, не беспокойся. Он здесь больше не живет.

У меня вырвался вздох облегчения.

Когда я вышел из душа, комната была совсем темной, кроме мерцания огонька в печке.

– Ну, иди же в кровать, – послышался из угла ее голос. – Я сейчас приду.

Мой пульс бешено колотился, когда я лег в кровать. Затем она вошла, совсем голая, в красном свете лампы. Она села рядом со мной и прислонила свое стройное нежное тело к моей согнутой ноге. Потом она нежно ощупала мою грудь.

Я был на грани взрыва. Она могла чувствовать, как сильно я ее хочу.

Она улыбнулась. Она была, очевидно, счастлива. Я сел и взял в одну руку ее маленькую грудь, а другой рукой гладил все тело, которое, казалось, колыхалось под моим прикосновением. Она прижала меня назад к кровати и опробовала с любовью каждую часть моего тела. Потом она медленно села на меня.

Я помню только, что я сказал Йоси и Хаиму, когда они хотели забрать меня, что останусь здесь на всю ночь, а с ними встречу завтра утром. Это было моим бегством от жестокой реальности, и я хотел, чтобы оно продлилась хотя бы одну ночь.

Глава 4

(Четверг, 13 февраля 1986 года. – Пятница, 14 февраля 1986 года. – Воскресенье, 16 февраля 1986 года. – Понедельник, 17 февраля 1986 года. – Среда, 19 февраля 1986 года. – Пятница, 21 февраля 1986 года)

Четверг, 13 февраля 1986 года

Утром я снова был в Академии. Я бежал к зданию, натянув мое пальто на голову для защиты от дождя.

Дов, руководитель наших тренировок, сердито взглянул на меня, с редкой для его круглого лица гримасой. Он остановил меня, пока я не взял свою чашку кофе.

– Где, черт побери, ты был?

– У нас была договорена встреча? – сухо спросил я.

– Мне не нужно договариваться, чтобы всыпать тебе по заднице. Один – ноль в его пользу. Я стал слушать внимательнее. – Я говорю о прошедшей ночи.

Я посмотрел на потолок. – Ты скучал по мне? Я очень тронут.

– Тебя не было дома, когда я звонил тебе.

– Что это значит? Ты звонил мне домой? Что это тебе в голову взбрело? Что ты сказал Белле?

– Ничего, я только хотел поговорить с тобой.

– Что я теперь ей скажу?

– Если бы ты был дома, тебе ничего не пришлось бы ей говорить.

Этим поступком он нарушил одно из основных неписанных правил Моссад: он позвонил домой офицеру Моссад, хотя никакого «горящего» повода для этого не было, и все было похоже на то, что он даже не пытался прикрыть меня, когда выяснил, что меня не было дома. Я был взбешен. – Козел! Кто тебя назначил шерифом? Будь спокоен, Дов, когда-то это и тебя коснется.

Я налил себе чашку кофе. Теперь уже он взбесился не на шутку.

– Так, а теперь выкладывай, что ты действительно хочешь от меня. Я не собираюсь слушать тебя целый день. Все становилось сложнее, чем я думал.

– Что ты имел в виду ночью во время этой игры с этими полицейскими? – Дов пытался приглушить голос.

– Ничего. Они взяли меня с собой покататься, а потом вернули на место. Почему?

– Разве так обращаются с вражескими полицейскими? После многолетних тренировок ты не нашел ничего лучшего, чем повторять им: «Ты ко мне обращаешься»?

– Ты ко мне обращаешься?

– Не начинай этого со мной. Ты стоишь на краю пропасти и точно это знаешь. Так что не выводь меня!

Я взял его за плечи и притянул к себе. Я нагнулся к нему и тихо сказал:

– Послушай хорошенько, Дов. Моссад вытащил тебя из службы внутренней безопасности из-за твоего опыта работы по оперативной безопасности, не так ли?

Он кивнул.

– Я офицер Моссад. Через пару недель меня введут в строй, и даже если нет, то в любом случае я все равно останусь полковником. Я стою на десяток званий выше тебя, салага. Он попытался высвободиться, но я цепко держал его.

– Ты можешь мне рассказывать все, что хочешь, это твоя работа. Но если не хочешь, чтобы я сломал тебе шею, то относись ко мне с уважением. Я ясно выразился?

– Убери руки. Он попытался меня стряхнуть.

– Ты скоро получишь мой отчет, и если тебе не понравится, что в нем будет, ты можешь делать, что хочешь, но орать на меня я тебе не позволю. А теперь, извини, я выпью кофе, а ты можешь поцеловать меня в задницу. Я вернулся в главную комнату.

Мне надо было еще решить пару вопросов, и это было причиной моего прихода в Академию. Это было связано с конференцией, которая состоялась месяц назад в гостинице «Кантри-Клуб» напротив Академии, на шоссе на Хайфу. На конференцию были приглашены представители секты Муна с невообразимой свитой международного сброда. Состоялось несколько их встреч с правыми депутатами Кнессета и некоторыми военными. С нашей стороны были также представители спецслужб и другие важные люди, как, например, Йегуда Блюм, бывший представитель Израиля в ООН. Полковник южнокорейской разведки (КСИА, Корейское Центральное Разведывательное Управление) в отставке и многие американские отставные генералы тоже посетили эти встречи. Француз Пьер Сейлак, член правоэкстремистской, фашистской партии, меня тогда просто достал. Этот тип все время хотел, чтобы я для него что-то устроил, чем-то помог. Он думал, что офицера связи можно запросто использовать как слугу. Он потребовал от Моссад компьютерную программу для улучшенного запоминания, хранения и передачи данных. Сейлак хотел защищать данные от французской секретной службы. Я должен был достать для него программу, разработанную фирмой «Sitex», которая подходила ему, и переслать ее по диппочте в нашу резидентуру в Париже. Оттуда программа должна была быть передана ему в руки.

В первый раз я не понял, зачем мы связываемся с такими подонками. Но Давид Биран, который был приглашен на конференцию, считал, что выгоды будет больше, чем вон, которой несло от всей этой истории. В мое задание не входило задавать вопросы. Я должен был слушать и выполнять, что я и делал.

Пятница, 14 февраля 1986 года

– Эй, Виктор, – обратился ко мне, когда я проходил контроль на входе в бюро, Йегуда Гил, старый «катса»⁸, который еще при жизни стал легендой. Я повернулся к нему, и он подмигнул мне, кивнув в сторону коридора, ведущего к фотоотделу. Этот старик был задействован почти во всех операциях, которые требовали особо тщательного планирования. Но, несмотря на это, он был одним из самых скромных сотрудников нашей организации.

Я засмеялся и подошел к нему. Он положил мне руку на плечо. – Пойдем со мной. Я хочу сфотографировать свою страшную рожу для нового американского паспорта. Я должен поговорить с тобой.

Мы вошли в пустую фотостудию. – Фотограф будет через пару минут, – сказал он.

– Что это за американский паспорт? Такое случалось очень редко. Моссад старался, как можно реже использовать американские паспорта.

– Я буду в Штатах работать для отдела «Аль»⁹. Мы должны там провести большую чистку.

– Я никогда не слышал об осложнениях. Что нужно там чистить?

– Дело Полларда.

– Я думал, это задача «ЛАКАМ»¹⁰.

⁸ «Катса» – оператор, оперативный «полевой» офицер разведки, ведущий агент Моссад.

⁹ «Ал» – тайное подразделение опытных «катса», которое в США действует против американских и арабских целей.

¹⁰ «ЛАКАМ» (ЛАКАМ) – «Лишка Ле Кишреи Мада» – подразделение, занимающееся научными контактами и научным, технологическим, промышленным и т. п. шпионажем в США. «ЛАКАМ» подчиняется напрямую премьер-министру и не является частью Моссад.

– Они запутали все это дело, а теперь мы должны привести его в порядок. Я должен войти в контакт со знаменитым «мистером Икс» и позаботиться о том, чтобы они его не схватили.

Я немного знал об этой истории. «ЛАКАМ» завербовал некоего Джонатана Полларда, американского еврея, который работал в военно-морской разведке американского флота, и использовал его в качестве шпиона. В 1986 году его арестовало ФБР, после того, как израильское посольство в Вашингтоне отказалось предоставить ему убежище. Этот отказ был прямым результатом вмешательства Моссад, хотя само дело и не касалось Моссад. Ходили слухи, что был некий связник между Джонатаном Поллардом и Моссад, знаменитый «мистер Икс». Полностью эту историю мы так никогда и не узнали, а то, что просачивалось, было погребено под толстыми кипами бумаг.

– Значит «мистер Икс» существует? – спросил я.

«Только его имя. «Мистер Икс» это не человек. Эйтан¹¹ взял у нас списки «сайаним»¹² перед тем, как уйти от нас, и использовал этих людей в качестве источников. Они говорили ему, где он может найти определенные вещи, а потом Поллард должен был там их доставать.

– И они соглашались? Как только я сказал это, понял, что задал глупый вопрос.

– Соглашались? «Сайан» обязан слушаться и не задавать вопросов. Если мы не поторопимся, то за Поллардом в тюрьму последуют и другие. Так что, я должен ехать туда и позаботиться, чтобы этого не произошло. Скольких евреев в Америке ты знаешь, которые готовы к тому, что их заклеят как предателей и во славу Израиля отправят за решетку?

Я кивнул в знак согласия. – А что я могу сделать для тебя?

– Ничего. Я просто хотел поговорить с тобой о тебе самом.

– Обо мне? А чего обо мне говорить?

– Я кое-что услышал о тебе и думаю, что ты должен знать об этом.

– Что же?

– Во-первых, есть такой Майк Харари¹³, которого ты сделал полным идиотом. Он все еще жаждет твоей головы. Этот парень распространяет всякие истории о тебе. И еще есть люди, которым не нравятся твои политические взгляды. Йегуда взглянул на меня так, как учитель на мальчишку-сорванца.

– Ты имеешь право на свои чертовы убеждения. Но так как ты стоишь на неправильной стороне, то должен их держать при себе.

¹¹ Рефаэль Эйтан, бывший офицер Моссад, шеф «ЛАКАМ».

¹² «Сайан», во мн. числе: «сайаним», «сайаны». Добровольные помощники Моссад – евреи, проживающие за пределами Израиля. Ради их защиты они не получают денег, чтобы не быть обвиненными в том, что они являются платными агентами. Есть различные директивы относительно использования «сайанов». Например, «сайан» не может использоваться в арабской стране.

¹³ Майк Харари, бывший офицер Моссад, который был замешан в темные дела по всему миру. Известно, что он был партнером Мануэля Норьеги, президента Панамы. Во время моей учебы в Академии я должен был в качестве тренировки установить контакт с почетным консулом Панамы в Израиле, чтобы завербовать его для проведения сомнительных сделок. Выяснилось, что почетным консулом был этот самый Майк Харари. Так как я втянул его в сомнительные операции, не зная, кто он на самом деле, то этим поставил его в довольно трудное положение.

Джонатан Поллард (род. 1954). Перед арестом (слева) в ноябре 1985 года и после освобождения из тюрьмы (справа) в ноябре 2015 года

Я был сторонником права палестинского народа на собственное государство в Западной Иордании и в секторе Газа. Я был убежден в том, что мы из-за оккупации этих территорий, которая якобы должна была служить благу нашего народа, теряем свое человеческое, гуманное лицо. Я не только так думал, я говорил об этом при каждой возможности, за что меня и обозвали левым. В Израиле вообще, и в Моссад в особенности, граница между левыми и правыми четко определяется вопросом об оккупированных территориях. Правые хотят удержать эти территории и полностью включить их в состав Израиля в качестве его неотъемлемой части, прогнав оттуда большинство живущих там палестинцев. Левые понимают палестинцев как народ, обладающий правами, в том числе и правом на самоопределение. Во всех остальных областях политики и экономики это разделение совсем иное. Крайне левый в вопросе об оккупированных территориях вполне может быть правозащитником во всех других вопросах.

Я знал, что это миф, что такая организация как Моссад смогла бы существовать, не став в какой-то мере фашистской. Но я следовал этому мифу.

– Что же ты мне предлагаешь? Заткнуться и молчать? Разве Израиль не демократическая страна?

– Да, демократическая. Но ты находишься не просто в Израиле, а в Моссад. Перед тем, как мы получим шанс рассчитаться, все станет хуже, а не лучше. Я советую тебе, мой мальчик, смирись, пригнись, подожди, пока пройдет буря.

– А если нет?

– Тогда ты вылетишь быстрее, чем ты думаешь. Если не случится кое-что похуже.

– Что это значит?

– А ты как думаешь, что это может значить? Мы ежедневно заняты смертью и обманом. Подумай об этом. Он печально улыбнулся. Я хотел задать ему еще тысячу вопросов, но тут как раз вошел фотограф.

– Спасибо, что ты пришел попрощаться со мной, – сказал он и повернулся лицом к фотографу. Я понял, что наша короткая беседа закончена.

Воскресенье, 16 февраля 1986 года

Меня прикомандировали к «Кантри»¹⁴, датскому подразделению штаба Моссад. По утрам я должен был первым являться для доклада. После ритуала распития кофе и болтовни в коридорах мне давалось задание на день. В качестве первого дела в подразделении мне дали пачку датских визовых анкет, которые мы в фотокопиях получили по дипломатической почте. Они относились к так называемой услуге, которую мы оказывали датчанам. Все податели анкет были арабского происхождения, и мы должны были сравнить их фамилии с фамилиями в нашей картотеке. Несколько месяцев назад нам установили новую систему, которая очень ускорила процедуру обратной проверки. В памяти компьютера хранилось более полутора миллионов фамилий. С помощью упомянутой системы, которую мы украли у одного из наших союзников, можно было за несколько секунд отыскать и сравнить данные о любом человеке.

Через несколько дней Бенни С., заместитель шефа «Кантри» сказал мне, что мне нужно позвонить Хомбре – это был агентурный псевдоним нашего человека в Дании. Хомбре должен был установить новое подслушивающее устройство у Гаммельтофта Хансена, одного из ведущих датских адвокатов. Он был пропалестинским адвокатом и профессором в каком-то университете. Датская полиция или контрразведка установила несколько лет назад по нашей просьбе «жучки» в его бюро. – Посмотри в досье, – сказал Бенни, – и скажи, что нужно сделать. Мы думаем, Хансен подозревает, что его бюро прослушивается, это чувствуется по тому, как он ведет беседы с посетителями. Если мы поставим «жучки» в его квартире, то точно получим лучшие результаты.

¹⁴ «Country» – подразделение отдела офицеров связи «Liaison»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.